

Пожалуй, роман «Земля» – можно назвать квинтэссенцией творческого метода и мироощущения нижегородской писательницы Елены Крюковой. (Казалось бы, необязательное уточнение о городе проживания, наверное, нужно, поскольку в творчестве Елены Крюковой заметен очень сильный корневой «волжский след», в отличие, скажем, от живущего в том же Нижнем Новгороде Захара Прилепина.)

Одна из картин романа «Земля» – ледоход на Волге. Я не оговори-лась – это именно картина. По сути, живописные полотна – те киты, что держат ткань текста, на картинах и стоит «Земля» Елены Крюковой. Это – основа. Начинается роман с широкого полотна «Праздник урожая», описанного с четкой детализацией, характерной для живописцев, отдающих предпочтение массовым жанровым сценам. Еще одна картина в романе: «Праздник Победы на берегу Волги», которая подана аналогично: каждая фигура словесно высвечена, и свет, и цвет согласуются с общей палитрой. Внутри текста можно найти и менее крупные живописные полотна. Особо – иконы, написанные Земфирой Зариповой.

Вообще именно живописный принцип – первый в ряду тех художе-ственных приемов, на которых работает Елена Крюкова: «Крик вспарывал черный атлас и белый штапель, цветастый ситец и лоскутную пеструю ткань, что состояла из кусков широкой земли, наспех пришитых временем друг к другу»; «и вода изнутри рвет сизую, синюю толщу обшитого синим небесным шёлком льда»; «бархатно-алая юбка гулянки взлетает»; «эту юбку украли на знамя, яркое знамя из неё, бедной и милой бабьей улады, пошили»; «Птицы обратились в чёрный пепел,

и пепел летел по тёплому ветру»; «В кузове живым золотом переливалось, прыгало зерно»...

Первый, но – не единственный. Второй – музыкальный. Роман «Земля» по своему построению симфоничный и ассоциируется с «Симфонией псалмов» Стравинского. Как раз в слиянии слова, музыки и живописи открывается, на мой взгляд, в романе (а возможно, и во всей прозе) Елены Крюковой самое интересное.

Для того чтобы картина ожила, мало внести в нее вербально, так сказать, элемент движения, да, фигуры задвигались, как на экране, но этого еще очень мало для жизни в тексте – и Елена Крюкова начинает их оживлять, входя сама (возможно, именно с помощью музыки) и вводя своих героев в экстатические состояния. (Ассоциация с «Поэмой экстаза» Скрябина возникла тоже.) Такое «экстатическое оживление» дает эффект не психологический, а – более поэтический. И проза Елены Крюковой – не проза характеров, а проза состояний, чаще всего – состояний страстных, пограничных, выявляющих всю полноту звучания эмоции. Однако, для того чтобы заразить читателя экстатическим переживанием, меняющим восприятие места, времени и себя, состоянием, которое может расширять точку до бесконечности (и в цветовом отношении, кстати, тоже), превращая конкретное в символ, бытовое в архетипическое, единичное во всеобщее, – необходимы серьезные, трагические причины, вызывающие такие состояния. И роман ими полон. Иногда – искусственными, иногда – историческими. Сама тема – волжское крестьянство от революции до послевоенных лет – несет груз нескольких, к сожалению, не вымышленных, а реальных, очень страшных трагедий. Для человека, даже немного знакомого с историей, Поволжье – это Гражданская война, разорвавшая и разорившая многие крестьянские семьи, тотальный голод начала 20-х годов прошлого века (число жертв почти 5 миллионов человек), коллективизация и раскулачивание (прибавьте еще полмиллиона как минимум погибших в ссылке и по дороге в ссылку), это депортация поволжских немцев (их нет в романе) и, наконец, Великая Отечественная война, которая унесла почти все мужское население сел...

Вот как показано в романе раскулачивание: «А потом оне оказались с землём. А мы – без земли и без скотины на ней. Хлеб в руках имети – значитца, всюю землём и владети! Так всё просто! Оне стали наш, наш хлеб нам жа и раздавати! Наш, кровнай! Што мы сеяли и жали! <...> А в советах тех хто сидел? Пьяницы все наши, нищи все. Нихто из хрестьян честных в те советы иттить не хотел...» Это голос главного героя – крестьянина Власа. В центре «Земли» – судьба Власа, который теряет первую любимую жену: ее убивают большевики просто за то, что она не отреклась от Бога; позже ставший одиноким Влас по страсти, не подвластной рассудку, делит с сыном красавицу Земфиру, после чего к нему приходит любовь-сострадание к вечной девочке Вобле – Зое. И Влас, и Зоя проходят путь крестных мук: они знакомятся по дороге в ссылку и, потеряв близких, становятся неразлучными на поселении в Сибири. В романе звучат голоса всех главных героев. Но чаще – размышляет Влас: «Он думал: Осподи Боже! А сколь нам послано несказуемых мучений <...>

Он думал: сколько жа хрестьян убито, запытано за все енти годы! Сколько от голода помёрло! Сколько на поселенья в дальни края, в леса и в тундровицу лядяну сослано! Сколько за колючкой, в неволе сгнило! Сколько без вести сгнуло! А щас воно вон как всё обернулось, все мужики пошагали на войну. <...>

А можа, енто лес-ти рубяць, а щепки летяць! Летяць и летяць енти щепки! Навроде воробьёв, летяць! В разны сторонушки! А щепки енти – мы».

В романе есть очень сильные описания (тюремьы, ссылки, быта).

Влас – хороший славный человек, добрый семьянин, рачительный и умелый хозяин, раскулачен, разорен и сослан, дом его достался бежавшим от голода с Украины переселенцам. Трагедий истории вполне бы хватило и на долю Власа, и на долю любого поволжского крестьянина, но Елена Крюкова наращивает на общеисторические беды еще и драмы личные, внося в роман двойную коллизию жестокого любовного треугольника, результатом которого, то есть как бы наказанием за грех, становится девочка-уродец, без рук, без ног, которую родила Земфира. Девочка оказывается пророчицей, предрекает войну... Только в конце романа читатель узнает, что повинна в смерти маленькой пророчицы Вобла, тихая и любящая, ставшая последней любовью старого Власа. Сцена рождения его последнего сына Алеши и смерти самого Власа – самая сильная в романе, кульминация его, народный хор, введенный в симфоническую ткань текста: «Пашня под ними дышала и плакала счастливыми слезами», и шел народ «всё к ним, к старику этому, худой маленькой женщине и ребёнку у неё на руках; и они, на телеге, озирали невидящими глазами весь этот трехслойный мир, горький на вкус, а для глаза смертельно сияющий, и они, старик, женщина и младенец, сейчас пребывали его неоспоримой сердцевиной...» Читатель, возможно, будет готов к тому, что этой народной ораторией роман-симфония завершится, но Елена Крюкова, проведя явную аналогию с рождением Иисуса, не дает Алеше – вырасти: на Вобле грех, к тому же она голодала, когда носила ребенка, мальчик слаб – и он умирает.

Выживет обычная дочь Воблы-Зои и Спиридона, сына Власа, персонажа темного, хотя автор и пытается его обелить, говоря мельком о том, что Спиридон искупил спасением многих людей и фронтовыми ранами свои старые уголовные грехи. Однако лейтмотив отчетлив: светлое, зачатое в любви-сострадании, оказывается у Елены Крюковой обреченным на гибель. Можно посмотреть чуть иначе, не усматривая здесь сознательного замысла, ведь в любом тексте, если это текст художественный, есть и подтекст, нередко – таимый автором от самого себя. Вот и в «Земле» у некоторых других образов тоже есть подтекстуальная темнота. Например, сцена встречи Власа, Воблы-Зои и матушки Матроны написана светло и бережно (это сознательный слой романа), но внимательному читателю откроется и тень сцены: уродка (так девочку Земфиры называет автор), оказавшаяся пророчицей, превращается в мыслях Воблы в... матушку Матрону Московскую. Такая неэтичная тень-сравнение, к сожалению, по воздействию на робкие души может оказаться сильнее самого света. Особая и очень важная образная линия романа: иконы Земфиры. Земфира – восточная мелодия романа, она башкирка, мусульманка, и учит играть на своем национальном инструменте, думбыре, деревенских детишек. Родив девочку-уродца, она смогла избавиться от отчаянья и полюбить несчастного ребенка только после того, как сходила в православную церковь Михаила Архангела, причем сама начала писать иконы (что странно, ее никто за это никуда не ссылает, а ведь идут 30-е годы) – автор поднимает Земфиру, несущую свой крест, до святости, до ею же самой написанного образа Богоматери, поскольку жертвенной любовью к

несчастному ребенку-пророку женщина искупила грех сожительства одновременно с Власом и его сыном, Спиридоном. Слова Власа относятся и к ней: «Осподи! Божечка мой! И Ты енто видал всё! И не свята ли та матенька, што мёртвова свово робёнка на краю своая могилы на руках нянчила?! И не есь ли она, матка та разнещастна, нова Богородица испытальнова, беднова времени нашева?» Да, хождение по мукам любой женщины-матери, потерявшей ребенка, сближает ее с Богородицей. Сближает и обычное материнство, ведь ребенка рождает женщина в боли. Пушкин видел в своей жене Мадонну, однако все-таки подчеркивал ее суть – чистоту. У Елены Крюковой, к сожалению, и здесь светлые, чистые тона перекрывает тень: Земфиру убивают, а младенец Христос на иконе Земфиры тоже начинает напоминать убитую «уродку». Образы романа, собираясь в словесную симфонию, не вырастают до вершины трагедии – хождения по мукам крестьянской России – и не разрешаются катарсисом, а, как в ярмарочном карнавале, вывернуты, их изнанка невольно оборачивается противоположным смыслом: мир тогда кажется обреченным, уродливым изначально, за ликом иконы скрываются зрачки тьмы. И только в одном – в восприятии самой земли, земли родной, кровной, несмотря на то что люди уходят в нее и с ней «в конце концов становятся одним», свет у Елены Крюковой действительно побеждает.

«Рай! Ты и есть земля.

Рай – это и есть Родина. Она! Можно жить в чужой земле. Можно Родину покинуть и издалёка, из-за морей и океанов, молиться за неё. А можно смеяться над ней, глумиться над ней, ненавидеть её! Мыслью топтать и терзать тех, кто в ней живёт, кто в ней остался жить, страдать, любить её и бороться за неё! И возделывать её землю! И это мы, мы остались в Раю! Мы живём в Раю! И только лишь потому, что мы живём в Раю, вы, никакие враги, нас не победите. Пусть иные земли нашего Рая обнесены колючей проволокой! Рай, он в лицо должен был увидеть Ад, и он увидел его. Настанет время, мы разорвём колючую долгую нить».

Елена Крюкова стихийно религиозна; сплетая в романе дорогу ее сердцу православную символику и страстный языческий плотский дух плодоношения, она поет гимн Земле и ее настоящему хозяину, одушевляющему, одухотворяющему землю, – крестьянину, мечтающему о том времени, когда власть в России станет справедливой и пришедший к власти лидер скажет «громко, во всю глотку, на всю землицу нашу: берите землю, владейте ею! Болейте, грешные, кажною иё болью! Лелейте кажный иё росточек малай! Вот вам она вся – в свободу, в вечно пользование! Растите деток своих на ей, радуйтеси каждой малой, духмяной щепоти иё! Изо всех репродукторов тот клич понесёцца. И коли так – вот и где наступить царство хрестьян! Царство наше, родно государство!» В этом почти революционном гимне звучит высокий чистый звук вечной человеческой мечты: Влас «думал: како бы жити на земле так, штобы не мучитси? Радостью и за-ради радости – жити? Радуга, восстани над пашнею!»

Максимально стилизуя речь героев (трудно поверить, что волжские крестьяне в прошлом, а не позапрошлом веке, говорили так) для литературно-театрализованной их индивидуализации, Елена Крюкова, по сути, создает не прозаический роман, а музыкально-словесную поэму – поэму о крестьянине Власе: в рамках такого поэтического жанра художественно трансформируя и речь, и библейские сюжеты, она имеет

на это право. Если рассматривать «Землю» под этим углом, многое в романе обретет иной, поэтический, символический смысл, – то, что героя зовут Власом, тоже ведь символично, здесь и Пушкин, и Некрасов. И – оправдает и некоторую искусственность самого построения романа и, на чей-то взгляд, излишнюю экспрессивную цветистость ряда сцен, и отсутствие иных крестьянских судеб, кроме судьбы семьи Власа, и опасный отход от православного канона, который допустим при поэтическом восприятии религиозных образов, но в рамках строгой веры может восприниматься как их разрушение. Роман «Земля» весьма сильно способен воздействовать на чувства читающего самой поэтической словесной экспрессией, живописно-музыкальным потоком, мощно звучащим мотивом трагедийной конечности телесного бытия.

Елена Крюкова – плакальщица. Елена Крюкова – поэт. И «Земля» должна прочитываться именно как плач, как поэма в прозе.